

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Цветова Н. С. Публицистический контур советской литературной эпохи / Н. С. Цветова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 267—283. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-267-283.

Tsvetova, N. S. (2025). Journalistic Framework of Soviet Literary Era. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 267-283. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-267-283. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Публицистический контур советской литературной эпохи

Цветова Наталья Сергеевна

orcid.org/0000-0002-4093-0427

доктор филологических наук,
доцент, профессор,
кафедра медиалингвистики
cvetova@mail.ru

Русская христианская
гуманитарная академия
имени Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-18-00408,
Русская христианская
гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского

Journalistic Framework of Soviet Literary Era

Natalia S. Tsvetova

orcid.org/0000-0002-4093-0427

Doctor of Philology,
Associate Professor, Professor,
Department of Media Linguistics
cvetova@mail.ru

Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The research was supported
by the Russian Science Foundation,
Project № 23-18-00408,
Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена ранней литературной публицистике Андрея Платонова и «манифесту» Валентина Распутина, в которых представлены установочный и завершающий этапы эволюции советской литературы. Актуальность темы обусловлена возобновлением исследовательского интереса к советской эпохе, необходимостью преодоления оценочных стереотипов. Новизна определяется постановкой проблемы и исследовательским подходом. Показано, что смысл и логика неформализованного писательского диалога выводят на проблему специфики национального литературного процесса, циклическая эволюция которого предопределена поиском ответов на вечные для русской литературы вопросы: кто я? к кому обращаюсь? ради чего? Как показывают публикации Платонова, советская литература начиналась с явного доминирования идеи создания «пролетарской» литературы. Аксиологические основания новой литературы изначально были представлены в смысловой структуре лексико-семантического поля «Труд», презентуемого романтико-патетически. Распутин свидетельствует, что в литературном дискурсе конца советской эпохи начинают доминировать массовые и постмодерные творческие установки. Надежду на сохранение преемственности и очередное обновление литературного пространства он связывает с будущим, в котором ключевым словом литературного дискурса станет существительное «народ» с его трактовкой в контексте национальной культурной традиции и истории.

Ключевые слова:

литературная публицистика; Платонов; Распутин; пролетарская литература; манифест.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the early literary journalism of Andrei Platonov and the “manifesto” of Valentin Rasputin, which represent the foundational and concluding phases of the evolution of Soviet literature. The relevance of this topic is underscored by a renewed scholarly interest in the Soviet era and the necessity to transcend evaluative stereotypes. The novelty of this study lies in the formulation of the problem and the research approach adopted. It is demonstrated that the meaning and logic of the informal writerly dialogue lead to the issue of the specificity of the national literary process, whose cyclical evolution is predetermined by the search for answers to timeless questions in Russian literature: Who am I? To whom do I address myself? For what purpose? As evidenced by Platonov’s publications, Soviet literature commenced with a pronounced emphasis on the creation of “proletarian” literature. The axiological foundations of this new literature were initially represented within the semantic structure of the lexical-semantic field of “Labor,” presented in a romantic and pathetic manner. Rasputin indicates that in the literary discourse of the late Soviet era, mass and postmodern creative orientations begin to dominate. He associates hope for the continuity and renewal of the literary landscape with a future in which the key term of literary discourse will be the noun ‘people’, interpreted within the context of national cultural tradition and history.

Key words:

literary journalism; Platonov; Rasputin; proletarian literature; manifesto.

УДК 821.161.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-267-283

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Публицистический контур советской литературной эпохи

© Цветова Н. С., 2025

1. Введение = Introduction

Актуальность темы статьи обусловлена в значительной степени меняющейся социально-политической ситуацией, предполагающей возобновление исследовательского интереса к советской эпохе в целом и советской литературе в частности. Пафос этого интереса направлен на преодоление описательно-оценочных стереотипов, впервые системно представленных в уже исторической статье авторитетного советского литературного критика В. Оскоцкого, написанной для «Литературного энциклопедического словаря» [Оскоцкий, 1987, с. 389—392]. И до сих пор авторитет одного из ключевых справочных изданий двадцатого века определяет включение в описание советской литературы терминологической триады *идейность, партийность, социалистический реализм*, причем с закрепленной в семантике этой триады в течение последних десятилетий негативной оценкой. Но время идет и заставляет рассматривать эпохальные явления с разных точек зрения, с учетом всего разнообразия литературных фактов, событий, деталей литературной жизни и конкретных литературных биографий.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Использованный нами исследовательский подход сложился под влиянием известных техник описания «самосознания писателя в контексте истории», актуализирующих, как недавно написала И. И. Плеханова, «забытую, но давно созревшую тему» [Плеханова, 2024, с. 32], позволяющих, с нашей точки зрения, учитывать самые разнообразные мотивировки и стимулы историко-литературных явлений.

Специфика избранного подхода определяется поставленной целью — намерением восстановить эволюцию базовых характеристик советской литературы, зафиксированных в публицистических текстах лидеров литературного процесса начального и завершающего этапов советской истории: Андрея Платонова и Валентина Григорьевича Распутина.

Известно, что современные варианты исследования писательской авторефлексии в той или иной степени опираются на «Размышления о технике» Х. Ортеги-и-Гассета, опубликованные еще в 1935 году [Ортега-и-Гассет, 1997]. Этих вариантов в российском литературоведении три. Первый вариант следования методологии выдающегося испанца — работа М. Кольвашенко [Кольвашенко, 2009], посвященная глубинной саморефлексии начинающих писателей, выявляемой с помощью социологических инструментов, прежде всего посредством анкетирования. Второй, для нас принципиально важный опыт, представлен в монографии и докторской диссертации М. А. Хатямовой, исследователя литературоцентричных форм сохранения самооценности художественной реальности в текстах русских писателей первой половины XX века: Е. И. Замятина, Б. Зайцева, М. Осоргина, Н. Берберовой и других создателей программы новой для того времени «органической» поэтики, вытеснявшей поэтику символизма [Хатямова, 2008а; Хатямова, 2008б]. Еще один исследовательский подход в том же русле — в новой работе И. И. Плехановой, посвященной современной русской прозе о войне как художественной форме саморефлексии, презентующей разные возможности писательского самоопределения, формирования творческого поведения художника [Плеханова, 2024].

Наша исследовательская гипотеза базируется на убежденности в том, что «рефлексия писателей призвана открыть неочевидные смыслы, найти свой язык и формы, наметить перспективы» [Там же, с. 32].

Выбор в качестве эмпирического материала писательской литературной публицистики продиктован способностью этого типа словесности как особого вида творческой деятельности, в основе которой «личностная» позиция автора, транслировать с достаточной точностью и во всем многообразии широчайший диапазон мнений и представлений [Русская публицистика ..., 2021, с. 5]. Отбор публицистических текстов для анализа осуществлялся в соответствии с принципом релевантности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Смысловые доминанты литературной публицистики А. Платонова.

Известно, что А. Платонов (1899—1951) вошел в историю советской литературы как прозаик, поэт, драматург, даже киносценарист [Корниенко, 2025]. Диапазон сложившихся на сегодняшний день интерпретаций творческого наследия писателя обозначен Б. Левит-Броуном: «То Платонов <...> слабый философ, то о его непостижимой алхимии толкуют», то «свидетелем мертвого Бога» называют, то о «святоотеческой сути» говорят. Но, думается, исследователь прав, когда утверждает, что А. Платонов был раз-

ным, «в зависимости от того, чем в разное время хотел и считал нужным быть» [Левит-Броун, 2023, с. 6].

Интересующий нас период творческой биографии Платонова «определяется временем революционных перемен, пафосом пересотворения действительности», которая воспринималась начинающим литератором с огромным энтузиазмом [Никонова, 2011, с. 9]. В этой логике ранняя публицистическая саморефлексия Платонова была установочной, законотворческой: осознавались законы, по которым создавалась новая литературная реальность, с одной стороны, и, с другой, — законы уникального художественного мира писателя, по которым этот мир и был сотворен [Там же, с. 5].

Возможность детального изучения уникального созидательного процесса появилась только в начале нынешнего века, после того как Институт мировой литературы Российской академии наук (ИМЛИ РАН, Москва) осуществил полное издание публицистики писателя [Платонов, 2004; Платонов, 2011]. Современные исследователи, на наш взгляд, справедливо считают наиболее значительным литературно-критическим высказыванием уже сформировавшегося писателя его статью 1926 года «Фабрика литературы», в которой изложены размышления о художественном методе советской литературы, представлен диалог с левовцами и конструктивистами, технология литературного творчества как способ обработки записных книжек [Заваркина, 2022].

Но первые «литературоцентричные» публицистические высказывания А. Платонова значительно раньше появлялись в массовых общественно-политических изданиях и посвящались вполне конкретным и сегодня кажущимся незначительными поводам: то диалогу с редакцией газеты «Трудовая армия» в связи с публикацией одного из его рассказов, то мечте о неотвратимости всеобщего восстания «угнетенных рабов» («Новые братья»), то «мертвому Богу» («Христос и мы»)... Значительная часть такого типа публикаций — юбилейные, посвященные Лермонтову, Достоевскому, Некрасову... Кроме того, начинающий писатель демонстрирует пристальный интерес к зарубежной классике: Хэмингуэю, Чапеку, Олдингтону. В самом полном на сегодняшний день академическом восьмитомнике представлены и внутренние платоновские рецензии на произведения писателей ему близких, большинство из которых были товарищами по литобъединению (А. Новиков, В. Соловьев, В. Юрезанский, Н. Бирюков-Раменский, А. Ноздрин, А. Кузнецова и др.). Но проблемно-тематическая пестрота ранней платоновской литературной публицистики не является безусловной характеристикой. Размышления молодого писателя формируются на основе признания очевидного открытия новой исторической, как следствие, литературной эпохи. Описание эпохи осуществляется в зоне нескольких

лексико-семантических полей [Зиновьева, 2003], представляющих собой единый дискурс, то есть гипертекст, посвященный «приходу пролетарского искусства» [Платонов, 2011, с. 15], задачу формирования которого Платонов осознает как генеральную в условиях становления новых общественных отношений, строительства нового мира.

В стремлении усилить и оправдать творческую активность начинающих пролетарских поэтов и писателей уже в 1919 году Платонов создает образы, концептуальный смысл которых прояснится значительно позже и в значительной степени повлияет на будущий конфликт писателя с партийно-литературным руководством. Приведем только один пример. Платонов так определяет пролетарскую литературу: «Это будет музыка всего космоса, стихия, не знающая граней и преград, факел, прожигающий недра тайн, огненный меч борьбы человечества с мраком и встречными слепыми силами» [Платонов, 2011, с. 8]. Как революционный романтик, он провозглашает торжественно, не без патетики: «Сущность всякого искусства — творческое выявление идей прекрасного, присущего всем людям» [Платонов, 2011, с. 8]. Повторяем, объединены метафорические формулы концептуально. Они представляют одно лексико-семантическое поле, презентующее эстетическую доминанту нового искусства — категорию *прекрасного*, воплощенную во всеобщей форме. По сути, в этом представлении — ответ на «особенно свойственный России вопрос», обостряющийся в переломные эпохи, — вопрос о соотношении общего и частного [Магвайр, 1993, с. 176]. Новая литература — «коллективное созидание прекрасного», «сотворение коммунистической Эдды и великих мифов труда и солидарности, мифов о грядущих машинах-чудовищах, слугах человечества в познании и покорении вселенной» [Платонов, 2011, с. 11]. «Созидание», «сотворение» — эти слова с конца второго десятилетия становятся ключевыми, транслирующими единые смысловые основания первых литературно-критических высказываний молодого писателя.

Еще одна важная деталь. Платонов уверен: «Поэт пишет не для чего-нибудь, а просто для себя, из **свободного** (выделено нами. — Н. Ц.) желания» («Поэзия рабочих и крестьян», 1920) [Там же, с. 16]. Конфликтность этого заявления станет очевидной позже, после появления в печати Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О политике партии в области литературы» [Постановление, 1925], в котором было заявлено: пролетарские писатели — «идейные руководители» советской литературы; новая литературная критика должна «давать отпор» не только «макулатуре», но и «отсебятине».

Аксиологическая основа пролетарской литературы представлена в литературной публицистике Платонова лексическо-семантическим полем,

в ядерной зоне которого концепт ТРУД. Цель пролетарской литературы — восстановление «восторга работы», который был утрачен «угнетенными рабами» («Да святится имя твое», 1920) [Платонов, 2011, с. 593]. И опять романтическая патетика, демонстрирующая устремленность в будущее: «Труд есть молитва человека самому себе, своим **утренним надеждам** (выделено мною. — *Н. Ц.*). Труд — истинная мать жизни» [Там же, с. 40].

Только труд, уверен писатель, дает возможность «чудесного» восстановления единства всего человечества: «Люди перестают жить для себя и для своей одной семьи, вылезают на свет, дружатся и любят с каждым. Человеку стало мало жить одним собою, своим телом, он сливается со всеми людьми, раньше бывшими ему чужими, дышит одной общей грудью и живет огромной душой всех близких и далеких людей ... Дух единения и сближения живет в каждом дыхании — дух любви, за который мучился Христос и который называл Богом» [Там же, с. 16].

Трудовое единение снимает еще одно противоречие, рожденное атеистической эпохой. В 1919 году оппоненты Платонова — еще не левовцы или конструктивисты, но носители «религиозно-идеалистических пережитков» и «мистики», создатели искусства для богатых — «утехи извращенных страстей» [Платонов, 2004, с. 8]. При этом, следует отметить, отрицание искусства Серебряного века не обозначает абсолютного, окончательного и бесповоротного отвержения всей предшествующей мировой культуры — «лестницы на небо, памяти человечества о всех путях и блуждениях» («Вечная жизнь», 1920) [Там же, с. 68].

Методологическая основа творческого созидания — материализм, который «не рождает новые идеи, он изучает мельчайшие факты в отдельности, потом замечает их зависимость, связывает и получает точную картину действительности», обеспечивая возвращение литературы в реальную жизнь. Подтверждается эта методологическая установка платоновским видением творческого процесса: «Внешний мир в сознании человека претворяется в цепь образов. Если образ производит слишком сильное впечатление, то он требует образного излияния, то есть своего творчества, выражения действием» [Платонов, 2004, с. 23].

1920 год для Платонова — время оформления образа создателя пролетарского искусства, новой литературы. Его не пугает то, что пока молодые литераторы «плохо грамотны и не привыкли думать <...>, произведения выходят корявыми и грязными», потому что уверен: перед молодыми литераторами открыты возможности «усовершенствования» [Платонов, 2004, с. 16]. «Гений рождается из дурачка» [Платонов, 2011, с. 15].

Платонов достаточно ясно формулирует, мотивирует позицию апологетов нового искусства как пролетарского, транслирует понимание себя че-

рез осознание собственной социальной идентичности, очевидные установки на саморазвитие, ориентируется на осознание исторического времени, которое принадлежит коллективному автору, хотя в его работах пока нет установки на создание оригинальной эстетической концепции.

Литературно-публицистические опыты Платонова доказывают, что концепция художественного метода советской литературы не была сугубо идеологическим продуктом. Это результат коллективного творчества, о чем позже было забыто, и вся ответственность за соцреализм затем возлагалась то на Горького, то на Сталина [Теория литературы ..., 2001, с. 408].

Публицистическая саморефлексия Платонова показывает, как, на каких основаниях восстанавливать по завершении Серебряного века поиск «правды жизни». При этом возникает парадокс, получивший воплощение в речевой форме платоновских текстов. Программные во многих смыслах высказывания ожидаемо выражают побудительную интенцию. Но доминирующая интенциональность не становится единственной, так как не менее очевидно стремление оценить современную литературную ситуацию, причем не только российскую, и перспективы литературного развития.

3.2. Литературные манифесты В. Распутина

Анализировать литературно-публицистическую позицию Валентина Григорьевича Распутина (1937—2015), лидера русского литературного традиционализма второй половины прошлого века, сложнее, потому что соответствующий материал еще не прошел академическую обработку. Видимо, наиболее полным собранием публицистики писателя на сегодняшний день можно считать издание, осуществленное Геннадием Сапроновым в 2007 году (сборник «В поисках берега») [Распутин, 2007]. В сборнике представлены наиболее известные выступления писателя, прежде всего выступления на Всемирном Русском Народном Соборе; очерки к 200-летию Пушкина, к юбилеям Л. Леонова, Л. Толстого, Г. Свиридова; статьи, посвященные Сибири и сибирякам, насущным вопросам современности; знаменитое эссе 2003 года «Байкал предо мною...».

Наиболее значительное исследование публицистики писателя на сегодняшний день — монография П. Каминского «Время и бремя тревог» (2012), в которой представлены концептуальные основания мировоззрения писателя, публицистика рассматривается как «несобственно-художественное высказывание автора о человеке и бытии» [Каминский, 2012, с. 6]. Исследовательский сюжет открывается описанием журналистской деятельности Распутина на рубеже 1950—1960-х годов, созданной им «утопической» модели дискурса. В кульминационных главах — размышления о деонтологической миссии искусства, презентация доминант эстетического и этического мышления писателя.

Ученый настаивает, что эпоха «зрелых и полноценных» раздумий писателя о проблемах литературного творчества — 1970-е годы. Кстати говоря, триггером обращения В. Г. Распутина к этой теме П. П. Каминский считает участие Распутина в семинарах молодых писателей, что напоминает об одной из причин обращения А. Платонова к литературной публицистике. Правда, ключевым жанром, в котором представлены литературные взгляды Распутина, П. Каминский называет интервью, что, на наш взгляд, отражает специфику коммуникативной ситуации, жанровые предпочтения журналистов конца XX — начала XXI веков. Так же, как и Платонов, Распутин считал необходимым рецензирование работ молодых авторов, но внутренние рецензии закрыты для читателей и исследователей, по крайней мере пока. Хотя уже сейчас вслед за П. Каминским можно утверждать, что цель внутреннего рецензирования у Распутина несколько иная: он не говорит о стремлении участвовать в становлении начинающих писателей, для него принципиально важен, как справедливо подчеркивает исследователь, поиск талантов. Конечно же, эта цель не противоречит внутренней устремленности А. Платонова в будущее, просто задача рецензента корректируется под давлением времени.

В. Распутин пишет о своих товарищах и единомышленниках С. Залыгине, В. Крупине, В. Кожинове, В. Белове, В. Астафьеве, Ф. Абрамове. Пишет о тех современниках, которые оказали влияние на него самого: об А. Вампилове, В. Шукшине, М. Шолохове, Л. Леонове, что важно, об одном из наиболее ярких представителей «третьей волны» русской эмиграции В. Максимове. Ряд почитаемых классиков у Платонова и Распутина примерно одинаковый: Пушкин, Достоевский, Некрасов... Украшение и усложнение этого ряда у Распутина, имевшего университетское филологическое образование, — «Слово о полку Игореве».

При попытке выявления доминантных характеристик литературной публицистики В. Г. Распутина П. П. Каминский делает, на наш взгляд, важное замечание, фиксирует как ключевую оценочную интенцию в анализируемых распутинских текстах. Он говорит о том, что в литературной публицистике писателя выражается универсальная система критериев оценки литературного произведения, основанная на эстетических представлениях.

Тут следует отметить, что и П. П. Каминский, и его последователи в поисках аргумента, несмотря на достаточно большой объем эмпирического материала, как правило, ориентируются в первую очередь на знаменитые распутинские статьи о Шукшине («Твой сын Россия, горячий брат наш», 1989) и Вампилове («С места вечного хранения. Об Александре Вампилове», 2002). Мы же, прежде всего, обращаем внимание на опубликованную в 1996 году статью В. Г. Распутина «Мой манифест» [Распутин, 2007,

с. 85—91], в названии которой представлено с наибольшей четкостью интересное нас проблемно-тематическое поле, и к тексту выступления В. Г. Распутина при вручении ему премии А. И. Солженицына (2000 год) [Там же, с. 208—217].

Сразу следует заметить, что уже при беглом знакомстве с распутинскими текстами бросается в глаза зафиксированное в сильной позиции начала принципиальное различие литературных ситуаций, как следствие, решаемых авторами сверхзадач. Платонов нацелен на создание нового писательского сообщества, объединенного сверхзадачей создания пролетарской литературы, прямо оппонирующей эстетическим представлениям Серебряного века. Распутин констатирует наступление новой революционной эпохи — времени «революционной непримиримости» [Там же, с. 209], подчеркивая, что новыми «неистовыми ревнителями» (определение С. И. Шешукова) в конце восьмидесятых — начале девяностых были учтены многие уроки двадцатых годов прошлого столетия, говорит о новой литературной ситуации как открывающей возможности не менее значительные, чем постреволюционные. Но он считал, что многие из надежд могли не оправдаться в силу распада писательского единства, атомизации литературного дискурса, проявляющейся в множественности индивидуальных писательских манифестов. Чем продиктована новая литературная ситуация? Разделенные многими десятилетиями писатели дают единый ответ на этот вопрос: и Платонов был уверен, и Распутин прямо говорил о том, что внутрилитературная борьба «обслуживает новую социальность» [Там же, с. 86].

Осознание определяющих характеристик реальности Распутиным, как и Платоновым, осуществляется через выявление и трансляцию содержания ключевых слов эпохи.

Концептосфера платоновской литературной публицистики, как мы отмечали выше, презентовала новое представление о революционной системе ценностей, с опорой на которую и создавался новый мир. Ключевой концепт первой постреволюционной эпохи — ТРУД, идеальный персонаж и читатель — человек труда. Платонов представлял побеждающее будущее русской литературы, которое виделось неизбежно связанным с доминированием именно человека труда, способного воплотить новое представление о красоте и гармонии.

В. Распутин выступает от лица проигравших, побежденных. В своем выступлении при вручении ему премии А. Солженицына он с горечью признается: «Победители не мы» [Распутин, 2007, с. 206]. На чем основано это горькое признание? На констатации деактуализации той системы ценностей, продвижением, восстановлением которой на протяжении трех десятилетий занимались традиционалисты-деревенщики. «Венцами

фундамента», воссозданием которого занимался он сам с сотоварищами, названы «традиции и обычаи, язык и легенды <...> покойники и история» [Там же], то есть «старые идеалы человеческого сердца» [Там же, с. 210], за сохранение которых, напоминает Распутин, ратовали Фолкнер и Гарднер. Писатель вводит в литературный дискурс в положительно оценочном статусе слово, которое, наверное, испугало бы современников Платонова: *патриархальность*. Решительно настаивает: «Патриархальность — это не кладбище, а кладовая» [Там же, с. 211].

Вторая особенность совершаемого на глазах Распутина нового революционного переворота, с его точки зрения, — «наркотизация» читателя, утрачивающего способность и желание жить в реальном мире. В отличие от Платонова, В. Распутин осуществляет более гибкое, сложное «моделирование образа адресата» [Щелкунова, 2004, с. 7]. Особое внимание Распутина к адресату продиктовано коммуникативной ситуацией конца XX века, читателем, сформированным советской эпохой, но под влиянием господствовавшей тогда эстетики постмодернизма утрачивающим классические ориентиры, преодолевающим авторитетность Пушкина, Достоевского, Гоголя. Достаточно вспомнить нашумевшую в начале нынешнего века статью «Ваши классики — уроды и кретины, — объясняет нам Маруся Климова» Аллы Латыниной [Латынина, 2005], репрезентовавшей квинтэссенцию постмодерной литературной аксиологии. Статья начиналась с описания новых литературных событий, в частности фестиваля петербургского декаданса «Темные ночи» (противовес «Белым ночам»), который проходил в феврале 1999 года в петербургском зоопарке. Поддержку в организации новых литературных событий, связанных с контркультурой, Марусе Климовой (петербургской переводчице французских маргинальных романов Т. Кондратович) оказывало движение под весьма красноречивым названием «Аристократический выбор России». Новые аристократы, можно предположить, благосклонно принимали заявления Климовой о том, что «Я помню чудное мгновенье...» — «плоская чушь», которую читать не стоит. И иные подобные высокомерные констатации звучали в те времена громко. Разумеется, Валентин Распутин в таких рода событий принимать участия не мог, как не мог он о них не слышать.

Распутинский читатель, в отличие от платоновского или климовского, по мнению писателя, был призван представлять не «аристократов», не передовую часть читающего человечества, а свой народ. Народ — ядро семантико-смысловой доминанты распутинской публицистики, фиксирующее произошедшее за десятилетия изменение литературно-антропологического кода русской литературы. Это еще один определяющий для художественной философии Распутина концепт. Как и Платонов, он боится

окончательных констатаций, исходит из понимания сложности нового времени, которое выражается во «всяческом разбеге» «тела народного» — в появлении «спившихся, озлобившихся, усомнившихся (платоновский эпитет. — *Н. Ц.*), уткнувшихся в себя» [Распутин, 2007, с. 235].

Но при этом Распутин выдвигает гипотезу о возможном восстановлении великого «призвания» литературы, которое заключается в служении не «пролетариату», а «народу». Реализация этой гипотезы, по Распутину, возможна только при одном условии — при создании ситуации, необходимой для возрождения уникального чувства патриотизма как ощущения вечной России, протянувшейся «от легендарного Китежа до легендарного Беловодья» [Там же].

Возможность сохранения кода национальной литературы, вопреки на шумевшим и находившим достаточную поддержку в конце 1980-х заявлениям В. Ерофеева о смерти советской литературы (Ерофеев В. Поминки по советской литературе), Распутин связывает с появлением нового типа писателя, «умеющего показать», «как стоять за Россию», и собрать «ополчение» на ее защиту [Там же, с. 89].

И еще одно важное, на наш взгляд, замечание. В центре внимания В. Распутина оказываются опасения по поводу глобалистского содержания литературной концепции Троцкого [Троцкий, 2023], едва брезжившие в статьях Платонова. Если бы открылась такая возможность, он точно бы обратил внимание на сомнения Платонова по поводу возможности навязывания «господствующей частью человечества» всем остальным «своих взглядов, характера, желаний» [Платонов, 2004, с. 18], на сомнения по поводу существования общечеловеческой культуры.

Наконец, Распутин почти удаляет из системы писательских координат ценности, выражающие идеологическое противостояние, не приемлет литературу «как разукрашенную идею» [Распутин, 2007, с. 213]. Русская литература, если ей удастся вернуться, по Распутину, в первую очередь должна преодолеть «духовную мутацию» [Там же], которая и определяет разрыв с национальной традицией. Литература должна вернуться как к базовому методологическому принципу к принципу изображения «правды жизни». Форма декодирования этой идеи, конечно же, не платоновская, но, как и у Платонова, имеющая сугубо этические основания, которые, видимо, с наибольшей очевидностью Распутин демонстрирует в статье, посвященной героям В. М. Шукшина «Твой сын, Россия, горячий брат наш» (1989), — в неслучайности, «логике и причинности созданных Шукшиным характеров» [Там же, с. 320]. Также совсем не случайно венчают шукшинский сюжет принципиально важные для Распутина размышления В. М. Шукшина о «Правде» как «Нравственности» и признание: «Тысячу раз прав Шукшин:

“народ всегда знает правду”. Ибо то и есть народ, что живет правдой, как бы ни тяжела была эта ноша, то и есть правда, что составляет первооснову и первосмысл этого понятия, не подверженную духовной ампутации истину о человеке и его жизни» [Там же, с. 235]. Так в сознании Распутина-аналитика сходятся методологическая установка Шукшина-художника и аксиологическая доминанта его художественной философии, они проявляются для того, чтобы стать одним из ключевых положений его собственной художественной философии. То есть и в распутинском случае литературная публицистика становится важным вариантом саморефлексии, нацеливается на реализацию задачи писательского самоопределения. Эта коммуникативная задача заложена уже в жанровом целеполагании: манифест — изначально ключевой жанр саморефлексии, правда, как правило, коллективной, но в данном случае коммуникативная ситуация и, соответственно, задача иные.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги, следует сказать, что проанализированный литературно-публицистический материал иллюстрирует давнее утверждение Л. Гинзбург о том, что «литературная методология только оформляется логикой, порождается же она личной психологией в сочетании с чувством истории» [Гинзбург, 2020, с. 42]. Именно личная психология писателя, чувство истории в первую очередь находят выражение в публицистической саморефлексии художников, масштаб таланта которых позволил им взять на себя ответственность за литературную эпоху.

Андрей Платонов, безусловно, принадлежит к открывателям новой литературной эры. Легко обнаруживается формальный сигнал совершавшегося открытия — высокая частотность глагола *начинаться*, который является в ранних публицистических выступлениях писателя своеобразной лексической доминантой. Платонов пытается осознать феноменальные характеристики пролетарской литературы как признаки формирования нового литературного направления: есть новый субъект литературного развития — пролетарский писатель; есть новый объект изображения — человек труда, «живущий в согласии со своими природными законами» [Платонов, 2011, с. 8]; есть новая писательская сверхзадача — способствование «укреплению, развитию и совершенствованию жизни всех людей на земле» («Культура пролетариата») [Платонов, 2011, с. 17]. О сложности теоретического поиска свидетельствует отказ А. Платонова от «абсолютных выводов» («Культура пролетариата») [Платонов, 2011, с. 23], признание которых, с точки зрения писателя, препятствует выявлению истины.

Сегодня, наверное, особенно важно понимание того, что платоновские публикации свидетельствуют о сложности и значительности реальной пи-

сательской рефлексии по поводу литературного развития по сравнению с программой этого развития, представленной в официальных партийных документах, призванных это развитие направлять, форматировать.

У Распутина канва монолога о литературе, литераторах и читателях иная. Он рассуждает о завершении определенного цикла литературного развития, подводит итоги эпохи советской литературы, которая к концу века уточнила, если не разрушила многие установочные революционные концепты, создала достаточно серьезные основания для развития нескольких типов художественного сознания, уничтожившего единство литературного потока, о котором когда-то мечтал А. Платонов. Для определения сути распутинского «манифеста» справедливо использовать идею П. П. Каминского о презентации в этом тексте традиционного типа ментальности в социально-исторической ситуации модернизации [Каминский, 2012, с. 5]. Основная распутинская идея: новая литературная ситуация уничтожила общее представление о литературной сверхзадаче, аксиологическую сущность литературы советского периода, которая формировалась в первые послевоенные годы.

Саморефлексия Распутина — констатация случившихся утрат, состоявшегося поражения национальной литературной традиции, проявившихся и в читательской аксиологии, и в объекте художественного исследования, и в образе автора. Но, как когда-то написал Платонов, «созидание в конце процесса разрушения» [Платонов, 2004, с. 19]. Созидательная идея Распутина, по сути, зафиксировавшего завершение советского цикла развития русской литературы, направлена на преодоление «поминальной» риторики в уже упомянутых нами выступлениях модных в 1990-е постмодерных критиков (В. Ерофеев. Поминки по советской литературе // Литературная газета. 1990. 4 июля).

По Распутину, изменение доминант литературного развития привело к утрате читательского доверия к литературному тексту, к писательскому слову. Можно ли утраченное доверие восстановить? Распутинский ответ на этот вопрос — предлагаемый им вектор литературного развития, который направлен на восстановление способности русского писателя «вновь стать эхом народным и не бывавшее выразить с небывалой силой, в которой будут и боль, и любовь, и прозрение, и обновленный в страданиях человек» [Распутин, 2007, с. 89].

По сути, Платонов и Распутин вступают в диалог о литературе через десятилетия. Безусловно, диалог спровоцирован «актуальным настоящим» [Секацкий, 2017, с. 7], но логика этого диалога выводит на размышления о специфике национального литературного процесса, циклическая эволюция которого предопределена поиском ответов на вечные для русского писателя вопросы: кто я? к кому обращаюсь? в чем смысл моего обращения?

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Латынина А. Ваши классики — уроды и кретины, объясняет нам Маруся Климова / А. Латынина // Новый мир. — 2005. — № 4. — С. 150—157.
2. Платонов А. Собрание. Фабрика литературы. Литературная критика, публицистика 1920—1940-х г. / А. Платонов. — Москва : Время, 2011. — Т. 8. — 718 с.
3. Платонов А. Сочинения. Научное издание / А. Платонов. — Москва : ИМЛИ РАН, 2004. — Т. 1. — 514 с. — ISBN 5-9208-0146-8.
4. Постановление, 1925 — *О политике* партии в области художественной литературы : Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. // Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 507. Л. 4, 31—37. Копия на правах подлинника. Машинопись. Опубликовано в окончательном варианте: Правда. 1 июля 1925 г.; Известия ЦК РКП(б). 1925. №25—26. С. 8—9.
5. Распутин В. В поисках берега. Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе / В. Распутин. — Иркутск : Издатель Сапронов, 2007. — 528 с. — ISBN 978-5-94535-87-8.

Литература

1. Гинзбург Л. Записные книжки. Воспоминания / Л. Гинзбург. — Москва : Эксмо, 2020. — 736 с. — ISBN 978-5-04-112742-8.
2. Заваркина М. В. А. Платонов в поисках самобытности: от «Фабрики литературы» к мастерству / М. В. Заваркина // Проблемы исторической поэтики. — 2022. — Т. 20. — № 3. — С. 186—212. — DOI: 10.15393/j9.art.2022.11246.
3. Зиновьева Е. Л. Понятие «поля» в лингвометодических исследованиях / Е. Л. Зиновьева // 32 международная филологическая конференция. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2003. — С. 108—112.
4. Каминский П. П. Время и бремя тревог. Публицистика В. Г. Распутина / В. Г. Распутин. — Москва : Флинта-Наука, 2012. — 240 с. — ISBN 978-5-9765-1337-2.
5. Кольвашенко М. Рефлексии на себя начинающих писателей / М. Кольвашенко // Развитие личности. — 2009. — № 1. — С. 29—38.
6. Корниенко Н. В. Платонов / Н. В. Корниенко // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь. — Москва : ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. — Т. 3. — С. 69—75. — ISBN 5-94848-211-1.
7. Левит-Броун Б. Андрей Платонов, Георгий Иванов и другие... / Б. Левит-Броун. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2023. — 228 с. — ISBN 978-5-00163-714-9.
8. Магвайр Р. А. Конфликт общего и частного в советской литературе 1920-х годов / Р. А. Магвайр // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. — Санкт-Петербург : СПбГУ ; Вирджиния : Петро-Риф, 1993. — С. 176—214.
9. Никонова Т. А. Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью / Т. А. Никонова. — Воронеж : Наука-Юнипресс, 2011. — 220 с. — ISBN 978-5-4292-0025-5.
10. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике / Х. Ортега-и-Гассет // Избранные труды. — Москва : Весь мир, 1997. — С. 164—233.
11. Оскоцкий В. Д. Советская литература / В. Д. Оскоцкий // Литературный энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1987. — С. 389—392.

12. Плеханова И. И. «Какое время на дворе... (рефлексия творчества в контексте СВО) / И. И. Плеханова // Родное и вселенское : идейно-эстетическая преемственность в развитии новейшей русской литературы. — Ульяновск : Ульяновский государственный технический университет, 2024. — Выпуск 9. — С. 32—40.

13. Русская публицистика : эволюция идей и форм. — Санкт-Петербург : Алетеия, 2021. — 396 с. — ISBN 978-5-00165-366-0.

14. Секацкий А. Дезертиры с острова сокровищ / А. Секацкий. — Санкт-Петербург : Лимбус-Пресс, 2017. — 272 с. — ISBN 978-5-8370-0810-8.

15. Теория литературы. Литературный процесс. — Москва : ИМЛИ РАН-Наследие, 2001. — 624 с. — ISBN 5-9208-0058-5.

16. Троцкий Л. Д. Литература и революция / Л. Д. Троцкий. — Москва : АСТ, 2023. — 512 с. — ISBN 978-5-17-151803-5.

17. Хатямова М. А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX в. : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / М. А. Хатямова. — Томск, 2008. — 42 с.

18. Хатямова М. А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX в. / М. А. Хатямова. — Москва : Языки славянской культуры, 2008. — 328 с. — ISBN 978-5-9551-0248-1.

19. Щелкунова Е. С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации : специфика и функционирование / Е. С. Щелкунова. — Воронеж : Родная речь, 2004. — 194 с.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025,
одобрена после рецензирования 22.03.2025,
подготовлена к публикации 01.04.2025.

Material resources

Latynina, A. (2005). Your classics are freaks and cretins, Marusya Klimova explains to us. *Novy Mir*, 4: 150—157. (In Russ.).

Platonov, A. (2011). *Collection. The literature factory. Literary criticism and journalism of the 1920s and 1940s*, 8. Moscow: Vremya Publ. 718 p. (In Russ.).

Platonov, A. (2004). *Essays. Scientific publication*, 1. Moscow: IMLI RAS. 514 p. ISBN 5-9208-0146-8. (In Russ.).

Rasputin, V. (2007). *In search of the shore. Novella, essays, articles, speeches, essays*. Irkutsk: Sapronov Publishing House. 528 p. ISBN 978-5-94535-87-8. (In Russ.).

Resolution of 1925 — On the Party's Policy in the Field of Fiction: Resolution of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) of June 18, 1925 // *Russian Center for the Preservation and Study of Documents of Modern History*. F. 17. Op. 3. D. 507. L. 4, 31—37. Copy as original. Typescript. Published in its final version: *Pravda*. July 1, 1925; *Izvestia of the Central Committee of the RCP(b)*. 1925. No. 25—26. Pp. 8—9.

References

Ginzburg, L. (2020). *Notebooks. Memoirs*. Moscow: Eksmo. 736 p. ISBN 978-5-04-112742-8. (In Russ.).

Kaminsky, P. P. (2012). *Time and the burden of anxiety. The journalism of V. G. Rasputin*. Moscow: Flinta-Nauka Publ. 240 p. ISBN 978-5-9765-1337-2. (In Russ.).

- Khatyamova, M. A. (2008). *Forms of literary self-reflection in Russian prose of the first third of the twentieth century*. Author's abstract of Doct. Diss. Tomsk. 42 p. (In Russ.).
- Khatyamova, M. A. (2008). *Forms of literary self-reflection in Russian prose of the first third of the twentieth century*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 328 p. ISBN 978-5-9551-0248-1. (In Russ.).
- Kolvashenko, M. (2009). Reflections on oneself by novice writers. *Personality development, 1*: 29—38. (In Russ.).
- Kornienko, N. V. (2005). Platonov. In: *Russian literature of the twentieth century. Novelists, poets, playwrights. Biobibliographical dictionary, 3*. Moscow: OLMA-PRESS Invest. 69—75. ISBN 5-94848-211-1. (In Russ.).
- Levit-Brown, B. (2023). *Andrey Platonov, Georgy Ivanov and others...* St. Petersburg: Alethea. 228 p. ISBN 978-5-00163-714-9. (In Russ.).
- Maguire, R. A. (1993). Conflict of the general and the particular in Soviet literature of the 1920s. *Russian literature of the twentieth century. Research by American scientists*. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Virginia: Petro-Rif. 176—214. (In Russ.).
- Nikonova, T. A. (2011). *Andrey Platonov in dialogue with the world and social reality*. Voronezh: Nauka-Unipress. 220 p. ISBN 978-5-4292-0025-5. (In Russ.).
- Ortega y Gasset, H. (1997). Reflections on technology. In: *Selected works*. Moscow: The Whole World. 164—233. (In Russ.).
- Oskotsky, V. D. (1987). Soviet literature. In: *Literary encyclopedic dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 389—392. (In Russ.).
- Plekhanova, I. I. “What time is it” ... (reflection of creativity in the context of Russian literature). In: *Native and universal: ideological and aesthetic continuity in the development of modern Russian literature, 9*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University. 32—40. (In Russ.).
- Russian journalism: the evolution of ideas and forms*. (2021). St. Petersburg: Alethea. 396 p. ISBN 978-5-00165-366-0. (In Russ.).
- Sekatsky, A. (2017). *Deserters from Treasure Island*. Saint Petersburg: Limbus Press. 272 p. ISBN 978-5-8370-0810-8. (In Russ.).
- Shchelkunova, E. S. (2004). *Journalistic text in the mass communication system: specifics and functioning*. Voronezh: Rodnaya Rech Publ. 194 p. (In Russ.).
- Theory of Literature. The literary process*. (2001). Moscow: IMLI RAS-Heritage. 624 p. ISBN 5-9208-0058-5. (In Russ.).
- Trotsky, L. D. (2023). *Literature and revolution*. Moscow: AST. 512 p. ISBN 978-5-17-151803-5. (In Russ.).
- Zavarkina, M. V. (2022). A. Platonov in search of identity: from the “Factory of Literature” to mastery. *Problems of Historical Poetics, 20 (3)*: 186—212. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11246. (In Russ.).
- Zinovieva, E. L. (2003). The concept of “fields” in linguistic methodological research. In: *32nd International Philological Conference*. Saint Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University. 108—112. (In Russ.).

*The article was submitted 23.01.2025;
approved after reviewing 22.03.2025;
accepted for publication 01.04.2025.*